

ИНТЕРВЬЮ У ТРАПА

Российская газета — 1992 — 13 янв.
Андрей МИСИН:

«Хочу разрушить миф»

— Часто приходится слышать: музыка Мисина создана для особого, подготовленного слушателя.

— Глупости какие! — сразу запротестовал Андрей, когда мы с ним «пересеклись» для интервью: он только что «откуда-то приехал и снова куда-то улетел». — У меня много самой разной музыки. В своих поисках я не ориентируюсь на вкусы какого-то необычного слушателя. С одной стороны, в моих интересах было бы все эти слухи поддерживать, это создало бы красивый миф. Но я сознательно хочу его разрушить, потому что сложившийся имидж тяготит. И очень сильно.

— Для многих твоё творчество начинается с песни «Чужой». Вещь эта, безусловно, интересная, но уже зрелая. Любопытно, а какова была эволюция Мисина, где — извини за банальность — корни сегодняшних идей?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо начинать с самого детства. Народная музыка постоянно звучала в нашем доме. Отец играл на аккордеоне и меня научил. Я обучался именно народной музыке. Наверное, поэтому в моих песнях нет всевозможных «пианистических красот».

Все у меня было довольно просто: наряду с обычной окончил музыкальную школу. Потом, правда, попытался стать медиком.

— Неудачно?

— Ну, я бы так не сказал — в медицинский институт поступил. Но долго там не проучился. Ушел, конечно же, из-за музыки. Первым толчком послужило знакомство с группой «Ари-

эль» — очень привлекал народный репертуар. В то же время произошло знакомство с рок-классикой. Но последней каплей стал, как ни странно, альбом Кейта Эмерсона «Таркус». Все в голове поехало — я понял, что с медициной покончено.

После армии — консерватория. За это время перепробовал себя во всех жанрах, создавая какую-то непонятную музыку — «смесь» Эмерсона, джаза и фольклора. А в середине 80-х перебрался в Москву — и попал в Москонцерт к цыганам. Надевал цыганский костюм, брал гитару и... Работалось легко, но это были чужие мысли. Потом — группа «Час пик», но и это было не то. В общем, я бросил все и начал студийные эксперименты.

Постепенно из них вырос мой первый альбом «Пятый угол», странный и пестрый. Через год я вновь оказался в студии. Сделал пару новых песен, записал «Чужого». Записал, как говорится, «от фонаря», совершенно не подзревая, что это будет для меня отправной точкой. В тот момент, признаюсь, понравились стихи, создал музыку... А через полгода сказали, что она о Христе.

— Это мнение до сих пор держится среди слушателей.

— Постепенно «Чужой» оброс другими песнями, соответствующими по духу, — появилась новая программа, которую затем и выпустила «Мелодия». По-моему, большая часть музыки там действительно получилась, несмотря на нестабильность, несовершенство идей. Новый альбом «Черный день», который я завершил недавно, музыкально во много раз сильнее.

— Некоторые композиции

этого альбома я слышал, и, на мой взгляд, то, что ты делаешь сейчас, — это уже не песни. Во всяком случае не песни в привычном понимании.

— Мне, наконец, удалось добиться того, над чем я давно работал: свернуть большие классические формы до четырех-пяти минут. Заглавная композиция нового цикла — самая крупная удача. Звучит страстно, мощно, а играет практически один инструмент.

— Ты гастролировал за рубежом?

— Я давал концерты в Америке и Канаде. Причем сразу оговорюсь — не для эмигрантов. Принимали прекрасно. Честно говоря, я совершенно не ожидал такого. Пел по-русски. Причем это не только мое, это их условие. Дело даже не в стихах, они прекрасно звучат по-английски.

— Кстати, о стихах. Кто твои любимые авторы?

— Мне неважно, кем стихотворение написано. Если это настоящая поэзия, если есть в ней боль — я выношу стихи слушателю.

— Ты используешь в основном современных авторов?

— Ну почему же! Сейчас я, например, работаю со стихами Ходасевича. Уже есть набросок и на замечательное стихотворение «Лесник» Заболоцкого.

Дмитрий УРЮПИН.
 Фото Сергея БЕРМЕТЬЕВА.